

UDC 94(395):330.11

PRESTIGIOUS ECONOMY OF EARLY NOMADS AND NART EPIC

E. Vdovchenkov

PhD (History)

Southern Federal University

105, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

evvdovchenkov@sfedu.ru

A. Ivanenko

PhD (History)

Southern Federal University

105, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

aivanenko@sfedu.ru

The economy of the early nomads of the Eurasian steppes has traditionally been studied as the process of material production, distribution and consumption, but this angle does not allow us to consider the economy through the models embedded in the culture, to think over the symbolic aspects of production and specific forms of behavior. Analysis of a number of phenomena in the life of nomadic societies is possible within the framework of the prestigious economy complex. An adequate explanatory model and language of prestigious economy institutes description are developed within the confines of the substantive theory, which considers tribal and archaic economies as qualitatively different from the modern economy. Elements of the prestigious economy in the early nomadic societies are the main subject of this article. The traditional paradigm in the early nomads' economy study is based on a certain sum of the sources used (written tradition, archeology,

© 2018 E. Vdovchenkov, A. Ivanenko; Published by the A. Yu. Krymskiy Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

linguistics). Of great value for the study of the early nomads' economy is the data of the Ossetian Nart epic, which carries on the Scythian and Sarmatian-Alanian epic tradition.

The article analyzes the manifestations of the prestigious economy in the early nomads' society as well as its reflection in the materials of the Ossetian Nart epic. Special attention is paid to the role of cattle as a universal value equivalent for the early nomads and in the epic world, institutions of burglarious raid (*balc*) and ritual feast (*kojvd*), gift exchange procedures (gifting friends and epic enemies) and redistribution of the spoils of war and sacral offerings. Specific behavior models, such as demonstrative destruction of prestigious objects, are analyzed using the epic material. The authors conclude that there is a principal propinquity between economic practices and related cultural inurements in the materials of the Ossetian Nart epic and that of the societies of Scythians and Sarmatians-Alans of the Western part of Eurasia.

Keywords: nomadism, early nomads, substantivism, prestigious economy, gift exchange, redistribution, Ossetian Nart epic

Е. В. Вдовченков¹, А. Е. Иванеско

ПРЕСТИЖНАЯ ЭКОНОМИКА РАНИХ НОМАДОВ И НАРТОВСКИЙ ЭПОС

Кочевое скотоводство Евразийских степей, полустепей и пустынь представляет собой один из экономических и культурных типов экстенсивного и подвижного скотоводства, который является относительно гомогенным: различия его подтипов (восточноевропейский, казахстанский, туркменский, центральноазиатский, внутреннеазиатский) “кажутся более культурными и этническими, чем экономическими” [Хазанов 2006, 468].

Несмотря на социальную “отсталость” кочевников и “примитивность” экономической основы номадизма в глазах внешних наблюдателей, “это была усложненная экономическая специализация по использованию степных ресурсов” [Барфилд 2006, 415], которая сыграла важнейшую роль в распространении производящей экономики в этой природной зоне. Собственно, указанные “отсталость” и “примитивность”, равно как “жадность” и

¹ Исследование выполнено Е. В. Вдовченковым в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00464 “Историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе”.

“дикость”, являлись следствием глубоко идеологизированного взгляда представителей оседлых обществ на кочевников как культурно иных.

После дискуссий в марксистской науке о “кочевом феодализме” и наличии у кочевников традиционно понимаемого государства (“раннего”, “рабовладельческого” или “феодалного”), мотивированным желанием вписать общества кочевников в рамки формационной системы, исследователи-кочевниковеды утвердились во мнении о глубокой специфике социально-экономических и политических процессов у евразийских кочевников [Хазанов 1975; Марков 1976; Масанов 1984; Крадин 1992]. Радикальным способом отойти от формационного монизма стала попытка выделить особую цивилизацию ранних кочевников степной Евразии [Мартынов 1989], в целом не поддержанная историками и антропологами.

В обосновании идеи особого пути развития обществ кочевников предметом обсуждения остается вопрос о соотношении таких факторов, как специфический кочевнический способ производства (соответствующий внутренней природе подвижного скотоводства) и необходимость адаптации к внешнему миру с выстраиванием асимметричных отношений с оседлым окружением [Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002, 12].

Важнейшая характеристика социума кочевников – это экономическая и политическая нестабильность и ограниченность его ресурсов. Г. Е. Марков показал, что для всех кочевников характерны следующие черты: племенная структура социума, частносемейная собственность на скот, социальная стратификация, основанная на имущественном расслоении, привилегированное положение военных предводителей, племенная собственность на пастбища, система патриархально-генеалогических связей [Марков 1976]. Главная особенность кочевников, из которой следуют все эти особенности кочевого общества, – это биологические средства производства, слишком зависимые от экологических факторов [Масанов 1995, 213–224].

Социальной эволюции ранних кочевников Евразийских степей препятствуют также постоянные миграции и вторжения, которые приводят к политическим и этнокультурным трансформациям. Каждые 100–150 лет новые волны кочевников с востока

приводили к смене власти и культуры в Скифии и Сарматии. Например, для Подонья можно выделить пять масштабных миграций и пять последовательных этапов (приходящихся на три традиционные сарматские археологические культуры). Каждая новая миграция приводила к политическим изменениям – как правило, новая орда одерживала верх над прежними властителями степей. Вслед за этим шел процесс этнической миксации и ассимиляции. В результате смешения местного и пришлого населения появлялась новая культура. Регулярные миграции приводили к прерыванию развития прежних политий. Каждое общество заново выстраивало свою иерархию, общественные отношения, систему культурных и экономических связей, и с новым вторжением все начиналось сначала. Важнейшей экономической основой существования кочевнических обществ и целью их политической консолидации была эксплуатация ресурсов других обществ. Номады не имеют достаточного количества прибавочного продукта², который к тому же не очень стабилен [Хазанов 2006, 469–470]. Фундаментальная идея о зависимости кочевников от оседлого мира была воплощена в концепции А. М. Хазанова, который отметил неавтаркичность экономической модели номадов, существование которой без активного взаимодействия с оседлым окружением было проблематично [Хазанов 2002, 170]. Идея экономической зависимости номадов от земледельцев представляется очень продуктивной для анализа общества скифов, сарматов и ранних алан, через ее призму мы можем взглянуть на отношения номадов с античными государствами (Боспором, римскими провинциями), населением варварских городищ лесостепной, степной и предгорной зон.

Развитием идей А. М. Хазанова, только с акцентом на политические процессы, является концепция экзополитарного (ксенократического) способа производства у кочевников [Крадин 2006, 34–37] или экзополитарного вида эксплуатации [Васютин 2002, 64]. Не имея достаточных внутренних ресурсов и вместе с тем нуждаясь в продукции оседлых обществ, номады систематически прибегают к военной силе для захвата у соседей прибавочного продукта. Сохраняя традиционные племенные структуры,

² Кочевое производство направлено на удовлетворение непосредственных нужд жизнеобеспечения.

эффективные для задач военной мобилизации, кочевники создают мощную военную организацию и с ее помощью формируют экономический фундамент своих политических образований в степи: "...военные преимущества открывали возможности для политического доминирования с благоприятными для кочевников экономическими последствиями" [Хазанов 2006, 475].

Данный вид эксплуатации дополняется отношениями господства и подчинения между племенами внутри кочевого объединения; одно из них на определенный период достигает доминирующего положения, что отражается в этносоциальной терминологии ("скифы царские", сайи, "языги царские", ардараганы, "сарматы царские") [Медведев 2010, 143–144]. Они, подобно царским скифам, доблестны и многочисленны и считают прочих "подвластными себе" (*Herod.*, Hist. IV, 20).

Социальные роли кочевого лидера в этих условиях – это роли военного предводителя, вождя-харизматика, сакрального лица, редиистрибутора. Его задача – заставить оседлых соседей "делиться", будь это в форме военной добычи, дипломатических подарков, дани или неэквивалентной торговли. Впрочем, список требований, предъявлявшийся общественным мнением такому правителю, был довольно обширным [Васютин 2011, 83, 85–87, 89–90]. Экзополитарный способ производства предполагает в дальнейшем перераспределение правителем централизованных благ и услуг (утилитарных и престижных) между соратниками и племенными вождями [Крадин 2006, 496–497, 504–505].

Таким образом, у кочевников не было внутренней необходимости для создания государства, но были внешние причины консолидации. Политики ранних кочевников часто достигали весьма значительных территориальных масштабов и уровня концентрации власти. Некоторые из них обладали такими признаками, как многоуровневое политико-административное деление: "ном" – три "царства" – единая Скифия; обособленный царский род, развитая идеология и символика власти; иерархический характер социальной организации: цари (*xšaya*), военно-аристократическая элита (*ardar*, "скипетроносцы", "номархи"), рядовые свободные мужчины-воины, рабы (*čagar*), а также социoproфессиональные группы: ремесленники, дружинники, жрецы; редиистрибуция (дань и повинности); первичная урбанизация [Граков 1971, 33–40;

Раевский 2006, 200–202; Медведев 2002, 101–105; Яценко 2002, 92–95]. Для описания этих политий используются понятия “кочевая империя” и “суперсложное вождество” [Крадин 2006, 490–492]. Заслуживает внимания также предложение Л. Е. Гринина считать крупные и мощные политии кочевников, обладающие некоторыми признаками государства (европейская Скифия, империя хунну), аналогами раннего государства [Гринин 2006, 98–99].

Тем не менее основной формой социально-политической организации ранних кочевников является вождество разной структурной сложности и племя как потестарный институт [Скрипкин 2015, 76; Вдовченков 2016]. Вождество – это промежуточная или альтернативная государству форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати, где существует заметное социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата [Service 1975, 15].

Принципиальное отличие между племенем и вождеством состоит в том, что в племени преобладают горизонтальные связи и племя в большей степени характеризуется эгалитарными отношениями. Для вождества присущи вертикальные отношения: “В отличие от вождества, племя является менее сложной формой управления и власти. В вождестве народ отстранен от управления, тогда как в племенном обществе народное собрание наряду с советом старейшин и институтом вождей является важным инструментом выработки и принятия решений... существует иерархия власти, социальная стратификация, редистрибутивная система, развивается культ вождей. Племя характеризуется больше декларируемой, чем реальной иерархией, более эгалитарной социальной структурой, отсутствием редистрибутивной системы, институт вождей начинает только складываться” [Крадин 2015, 9].

Таким образом, политическая и материальная культура кочевников-скотоводов, особенности их социальной организации были органически связаны с формами хозяйственной деятельности, а любые заимствованные элементы из оседлых традиций подвергались строгой селекции [Хазанов 2006, 469–470, 472]. Поэтому

ответ на вопрос об основе специфичности кочевничества предполагает в первую очередь многосторонний анализ экономики кочевых сообществ.

Экономика ранних кочевников – недостаточно исследованная проблема. В советской историографии экономики и социально-экономическим отношениям традиционно уделялось много внимания, однако за последнюю четверть века ситуация существенно изменилась. Несмотря на наличие ряда ценных исследований, в том числе монографических, по экономике ранних кочевников Южного Урала [Акбулатов 1999] и степной Скифии [Гаврилюк 1999], вполне справедливо звучит утверждение Н. А. Гаврилюк: “История ранних кочевников... подробно рассматривалась лишь в социальном или политическом аспектах. Изучению экономики кочевников уделялось... меньшее внимание, хотя именно экономика служит основой развития любого общества” [Гаврилюк 1999, 5].

Кроме того, значение для историографической ситуации имеют и те исследовательские ракурсы, в которых она традиционно рассматривалась. Экономика кочевников на эмпирическом уровне может исследоваться как процесс материального производства, распределения и потребления в соответствующих обществах, что предполагает акцент на физико-географическую характеристику природных зон, демографическую динамику, отраслевую структуру хозяйства, технику и технологии, способы организации труда. Данный подход является традиционным и остается преобладающим. Но, при всех его достоинствах, он не позволяет ответить на ряд вопросов. В рамках такого исследования остаются неакцентированными некоторые феномены, для которых важнее оказывается символический аспект производства, неутилитарная ценность благ и услуг, специфические формы поведения. Главное, как нам представляется, традиционный подход вменяет ранним кочевникам модели рационального экономического поведения, что, с учетом достижений современной экономической антропологии, выглядит, по меньшей мере, спорным.

Анализ этих феноменов жизни кочевых обществ возможен в рамках комплекса престижной экономики. Ее базовые черты – это выделение специфических благ и услуг, не имеющих потреби-

тельской стоимости и предполагающих неутилитарное потребление; формирование дарообменных церемониалов, специальных ритуализированных форм распределения; уменьшение качественного разнообразия престижных предметов, циркулирующих в процессе обмена, при увеличении их количества; появление всеобщего универсального эквивалента стоимости (“первобытных денег”); формирование престижного потребления как важного социального института, специфических форм поведения, включая демонстративное расточительство [Сусоколов 2006, 76–79, 93–94].

Функционирование престижной экономики ориентировано в первую очередь на поддержание социального статуса, на увеличение престижа ее акторов – на социальные и политические эффекты экономической деятельности: получение престижного продукта и в не меньшей степени его потребление определяют социальное и политическое пространство такого общества. Элементы престижной экономики в обществах ранних номадов являются основным предметом данной статьи. Решение такой задачи требует наличия адекватной объяснительной модели и языка описания институтов престижной экономики. Такая модель и соответствующий ей язык были выработаны в рамках субстантивистской теории, которая рассматривает племенные и архаичные экономики как качественно отличные от современной (капиталистической), где экономика образует особую сферу со свойственными ей специализированными институтами (рынок, заработная плата, предприятия). Согласно взглядам К. Поланьи, экономика докапиталистических обществ существует как “вплетенная”, или “встроенная”, в культуру. Процесс производства, распределения и потребления благ и услуг в ней организован через посредство неэкономических институтов: социальных (родство, брак, возрастные группы), культурных (религиозные организации, ритуалы), политических (властные ранги, церемониалы) [Поланьи 2010, 55–56; Семенов 1989, 72]. Соответственно, анализироваться на эмпирическом уровне они должны в этом едином комплексе.

Ведущими формами интеграции для домодерных экономик К. Поланьи считал реципрокность (предполагающую перемещение благ и услуг в форме обмена дарами по горизонтали –

“в симметричных группах”) и редистрибуцию (концентрацию товаров в центре с последующим их перераспределением по вертикали) [Поланья 2010, 56].

Экономическая модель обществ ранних кочевников строилась на сочетании двух базовых элементов, которые можно условно обозначить как “экономика войны” и “экономика дара”, причем успешное функционирование первой было условием эффективной работы второй. Дарение основывалось на принципе возмездности (обязательности обратного дарения) и квазиэквивалентности (относительного соответствия ценности взаимных подарков – утилитарной или символической) [Сусоколов 2006, 83–86]. Редистрибуция – принципиально неэквивалентный способ обмена, позволяющий нарастить престиж и конвертировать распределяемые блага и услуги в лояльность и преданность одариваемых.

Такая модель точно описывает внутреннюю структуру и конкретные механизмы кочевой экономики и социо-политической системы кочевников: перераспределение является стержневым элементом, способствующим институционализации власти правителя и циркуляции прибавочного продукта. Редистрибуция и институты престижной экономики соединяют “царя” и подчиненные общины. Власть правителя кочевого вожества или аналога раннего государства держалась на личных способностях и умениях посредством успешной внешнеполитической деятельности получать и затем перераспределять часть добычи, дани, дипломатических “подарков” среди своих воинов и верхушки племен.

При этом, как отмечал М. Мосс, исследуя феномен дара в архаических обществах, переданная вещь сохраняет в себе что-то от самого дарителя, частицу его души или силы [Мосс 2011, 148–152]. Получая от кочевого правителя дар, вожди приобретали часть его сверхъестественной харизмы, что повышало их собственный престиж. Племенная аристократия могла, в свою очередь, поддерживать свой статус путем раздачи даров соплеменникам и устройством церемониальных праздников на следующем уровне социополитической организации [Крадин 2006, 496–497, 504].

Традиционная парадигма в изучении экономики ранних кочевников опирается не только на конкретную – внутренне цельную и

логичную – объяснительную модель, но и на определенную сумму привлекаемых источников и известий, а также устойчивые способы их интерпретации. Собственно, мы располагаем для такого исследования данными древней письменной традиции, лингвистическим материалом, археологическими свидетельствами и сведениями по экономикам поздних кочевников, засвидетельствованными этнографически. При этом письменная традиция представлена текстами-иноописаниями. Во всяком случае, точка зрения на культуры скифо-сармато-аланского круга как бесписьменные остается преобладающей; принципиально иная позиция артикулирована (см.: [Турчанинов 1990]), но сохраняет статус маргинальной.

Мы полагаем, что в этом контексте большую ценность для исследования экономики ранних кочевников имеют данные осетинского нарттовского эпоса. Нартовские сказания, что практически общепризнано, продолжают скифскую и в большей степени сармато-аланскую эпическую традицию. Наиболее ранние мотивы нарттовского эпоса восходят к эпохе скифской архаики [Миллер 1882, 196–205; Рклицкий 1927, 18–19; Dumezil 1930, 151–166; Абаев 1990а, 211–212], а завершение процесса эпосотворчества можно связывать с монгольским периодом [Абаев 1990а, 208–209; Гуриев 1971].

С учетом надежного факта генетического родства осетинского языка и архаичных пластов осетинской культуры с миром восточноиранских кочевников эпохи древности и раннего средневековья скифо-сармато-осетинские параллели стали важным инструментом в сравнительных лингвистических, историко-археологических и этнографических исследованиях. Как правило, они касаются вопросов иранской ономастики Северного Причерноморья, тернарной социальной модели, интерпретации сюжетов греко-скифского и сармато-аланского искусства, ритуальных практик ранних кочевников (в частности, погребальных обрядов) [Миллер 1882; Dumezil 1968, 457–471; Кузнецов 1980; Гаглойти 1989; Яценко 1995; Яценко 1998; Камболов 2006, 46–87], но не их экономики. Связано это обстоятельство не в последнюю очередь со спецификой представлений об эпическом историзме.

С одной стороны, эпос о нартах как памятник архаический эпика отличается ярким художественным своеобразием, с дру-

гой – обнаруживает множество типических черт, присущих героическому эпосу как жанру. Эпический герой включен в некоторое героическое сообщество – социум, который является поэтической конструкцией, но репрезентирует реальную этнополитическую общность (“эпическое племя” или “эпическое государство”). Все события в эпическом мире локализуются во времени и пространстве, которые имеют черты действительной хронологии и исторической географии, но к ним не сводятся. Имена эпических героев могут соотноситься с именами подлинных исторических лиц (Владимир русских былин, Марко Краевич сербского эпоса), но их образы необъяснимы даже через сумму всех исторических прототипов. Эпические сюжеты могут отражать воспоминания о действительных исторических событиях (тройная война в “Илиаде”, сражение в Ронсевальском ущелье в “Песне о Роланде”), но всегда представляют собой самостоятельную версию этих событий, часто противоречащую собственно “исторической” [Путилов 1988].

Эпос формируется на почве исторической действительности, легко вбирает в себя такие ее элементы, как военные, хозяйственные и культовые реалии, имена исторических лиц, названия этнических групп, географических объектов и даже историческую событийную конкретику. Но все эти элементы включаются в сферу фольклорного творчества избирательно, соединяются с элементами вымысла, подчиняются жанровой условности и формируют особую “синкретическую правду” (М. И. Стеблин-Каменский). Эпический мир, представленный специфическими именно для него сюжетами и коллизиями, образами и отношениями, социальными институтами и нормами поведения, природной средой, вещным фоном и числовыми моделями, правдив и достоверен для сказителя и его аудитории, все произошедшее в его рамках – действительно бывшее, но только в особую эпическую эпоху [Путилов 1999, 23–37].

В этом смысле историзм сказаний о нартовских богатырях имеет мало общего с абстрактной научной правдой о прошлом, но именно этот “историзм” интересует профессионального гуманитария. Точнее – та поддающаяся интерпретации историческая конкретика, которая *должна стоять* за эпическими образами, мотивами или сюжетами. Ключевой вопрос заключается в том,

какого рода исторические известия мы можем извлечь из нартовских сказаний и насколько они эвристически ценны для исторического исследования.

Все попытки установить соответствие нартовских сюжетов и зафиксированных в письменной традиции исторических и легендарных событий (смерть Батраза и скифские походы в Переднюю Азию; гибель сыновей Сырдона и месть скифов мидийцам; сказание о Насран-алдаре и скифо-персидская война; сюжеты из цикла Шатаны и армянская легенда о Сатиник; взятие крепости Хыз и осада Гори Ос-Багатаром; последний поход Урызмага и сармато-боспорские отношения) дали противоречивые результаты [Клейн 1975, 21–24; Dumezil 1978, 327–338; Гаглойти 1989, 141; Абаев 1990а, 165; Абаев 1990b, 375]. Такой специалист в области героического эпоса, как Е. М. Мелетинский, охарактеризовал большинство из этих сопоставлений словом “произвольные” [Мелетинский 1957, 39].

Как установлено, конкретно-историческое мышление проявляется в эпосе относительно поздно, это черта классической, а не архаической эпикки. Последняя насыщена мифологическими мотивами (что прекрасно иллюстрируют нартовские сказания): очищение земли от великанов, похищение (или получение в качестве дара) культурных благ, гармонизация миропорядка, создание социальных институтов. Биографические линии сказаний выстраиваются в русле “богатырской сказки” (В. М. Жирмунский) с акцентами “героического сватовства” и воинской тематикой, причем нередко образ героя разрабатывается через наличие у него не только физических, но и магических способностей. Архаический эпос перерабатывает воспоминания о межплеменных столкновениях как типе взаимодействия человеческих коллективов, а не военно-политические события государственной эпохи.

Вместе с тем даже те исследователи, которые скептически оценивают возможности нартовского эпоса как источника, признают исторически достоверным в своей основе тот *общественный уклад*, который отражен в сказаниях о нартах: “...однако общее историческое своеобразие аланской военной демократии – военные столкновения с соседями в результате изолированных походов-балцев – очень ярко отражено в нартовском эпосе” [Мелетинский 1957, 40].

С марксистских позиций этот общественный уклад определяли как строй “военной демократии”, соответствующий стадии разложения родовых отношений и формирования раннегосударственных институтов [Смирнова 1959, 68; Абаев 1990а, 215; Мелетинский 2004, 163]. Как отмечалось, сейчас историки и антропологи в отношении кочевнических объединений предпочитают использовать термины “вождество” или “военно-иерархическое общество” и считают понятие “военная демократия” излишне идеалистическим. Но, не будучи релевантным задачам описания *реальных политий*, “военная демократия” как концепт вполне подходит для описания *эпических социумов*, в том числе нартовского, позволяя акцентировать все ключевые признаки такой социополитической системы: наличие двух или более социальных страт; война как основной источник получения прибавочного продукта; участие в военных экспедициях определяет общественное положение каждого индивидуума.

Показательно в данной связи, что характеристики “праздного класса” в варварских сообществах, данные Т. Вебленом, звучащие довольно наивно в отношении исторических социумов, вполне убедительны на примерах эпических (например, общества исландских саг) [Веблен 1984, 58–59].

Мы полагаем, что “военно-демократические” черты нартовского социума сохраняют свое научное значение. Действительно, при взгляде на общество нартов осетинских сказаний очевидно представляются две черты его жизненного уклада. Во-первых, бесконечные походы за добычей являются отраслью нартовского хозяйства. Во-вторых, охота и балцы – это престижное дело, единственное занятие, достойное героев. Охотничьи экспедиции следует рассматривать как одну из форм военных предприятий; хозяйственное значение нартовской охоты сомнительно [Смирнова 1959, 65–66]. Весьма точное название такой социальной среде дал Т. Веблен, когда назвал ее “хищнической”: “...и охота, и сражение, в которых участвуют мужчины, – занятия одного свойства. По своему характеру и те, и другие являются хищническими; и воин, и охотник собирают урожай там, где не сеяли” [Веблен 1984, 66].

Героический социум осетинских нартов может быть охарактеризован как “эпическое племя”. Принадлежность к нему

определяется участием героя в совместных строго ритуализированных пиршествах (*куывд*) и в грабительских военных экспедициях (*балц*). Эти два локуса – поле боя и пиршественный зал – организуют все эпическое пространство. Только вещи, наполняющие данные локусы – оружие, детали конской сбруи и чудесная чаша (*Уацамонгæ*), выявляющая правдивость рассказа персонажа о его подвигах, – описаны подробно, поскольку подчеркивают героическую сущность нартов. Неспособные участвовать в *кувдах* и *балцах* подлежат осмеянию и издевательствам, а достойной смертью признается только гибель в сражении.

Отношения власти в эпическом мире строятся на базе родственных (фамилиарных) связей и половозрастной стратификации. Нарты состоят из трех родов с символикой трех общественных функций – Ахсартаггата (доблестные, могучие), Бората (многочисленные и богатые скотом) и Алагата (сильные умом, устроители *кувдов* и хранители чудесной чаши). Этимологии имен трех родов подчеркивают связь этой социальной модели со скифо-сарматским миром. Так, Ахсартаггата (осет. *æхсар* – “доблесть”, “сила”, “власть”) происходит от *хъау*– ‘сиять’, ‘блистать’, ‘властвовать’, как и наименование скифских и сарматских правителей [Абаев 1989, 224–225]. Квазицарственный статус Ахсартаггата проявляется не только в том, что из этого рода происходит большинство видных героев, но также в том, что они взимают дань (*хъалон*) с остальных нартовских фамилий. Причем дань эта носит характер почетных подношений: “В каждый праздник [нарты] приносили им ляжку забитого [быка]³, кувшин араки и полную кадку пива” [Нарты 1989, 10]. Эту черту нартовского общества можно сопоставить с положением господства “царских” племен в скифском и сармато-аланских социумах.

В целом нартовский социум представляет собой общество ранжированное или даже стратифицированное. Можно выделить три социальные категории: кроме именитых героев (вокруг них выстраиваются циклы сказаний), это рядовые нарты (чаще всего безымянные) и неполноправные лица (*цагъар*, *уацайраг*, *кусаг*). Но говорить о его сословном делении нет оснований, хотя такие

³ В оригинале – “*кусарты æвдасарм*”, шея и правая лопатка жертвенного животного, т. е. именно престижная часть туши.

попытки предпринимались. Так, М. В. Рклицкий видел в нартах представителей воинской знати, “в этническом отношении близкой, но не тождественной покоренному ими населению” [Рклицкий 1927, 15–16], а Я. С. Смирнова считала нартов “военно-дружинным слоем общества” [Смирнова 1959, 68]. Второе определение представляется нам более точным с одной важной оговоркой: нартовский герой – это не отражение социального типа профессионального дружинника, это скорее изображение героя в соответствии с господствовавшими у алан (?) представлениями об идеальном воине. Тем более что дружины у скифов и сарматов – довольно редкое явление [Яценко, Вдовченко 2015, 172–175].

Потестарная организация эпического сообщества опирается прежде всего на престиж и авторитет предводителей *балцев* и на волю народного собрания (*ныхас*). Властная иерархия носит условный характер и отражает структуру военной организации общества: “Народ в целом образует боевую дружину, внутри которой если и есть какая-либо иерархия, то это иерархия старшинства и военного опыта” [Абаев 1990а, 224]. Таким старшим предводителем выступает обычно Урызмаг. Но он – только военный вождь, и власть его относительна. Как только Урызмаг одряхлел, он превратился в объект нападок – нартовская молодежь стала вытирать об него “грязь своих стрел” [Нарты 1989, 83]. Показателен и способ, который избирают молодые нарты, чтобы расправиться с ним: они пытаются умертвить его, *напоив до смерти* (сказание о последнем *балце* Урызмага): неспособность нарта “вытащить меч из ножен” и выпить полную “чашу героев” в равной степени является признаком его физической немощи и влечет за собой снижение статуса. Презрение нартов к старикам идет вразрез с осетинской традицией, но точно соответствует данным Аммиана Марцеллина об аланах (*Амм.*, XXXI, 2,22) [Рклицкий 1927, 19; Dumezil 1930, 151–152; Абаев 1990а, 224], а также сведениям Валерия Флакка о ритуальном умерщвлении стариков у языгов в “Аргонавтике”: “Разноцветная Иберия излила вооруженные копьями отряды, которые ведут... не знающие убеленного сединами возраста язиги... у мужественных предков создался обычай не медлительно претерпевать смертную участь, но погибать от руки дорогого потомства врученным ему

мечом; прерывают замедление и сын, и отец, единодушные оба и вызывающие сожаление своими мужественными поступками” (*V. Fl.*, VI, 120–129)⁴. Мы полагаем, в совокупности эти данные можно интерпретировать как свидетельство существования возрастных классов и реальной традиции убийства при достижении определенного возраста у номадов.

Эпическое сообщество, как оно описывается в осетинском нартовском эпосе, соответствует более архаичной модели социально-политической организации, чем предстают перед нами в нарративных и археологических источниках скифо-сармато-аланские политии. Вместе с тем осетинский нартовский эпос обнаруживает значительное количество близких аналогий и параллелей – в области социальной и властной терминологии, в отношении трехфункциональной модели общественного устройства и – главное – в специфическом жизненном укладе, в котором могут быть акцентированы элементы “экономики войны” и “экономики дара”. Эти элементы станут предметом дальнейшего сравнительного анализа.

Говоря об экономике войны ранних номадов, прежде всего следует сказать о набегах, которые часто имели именно экономический смысл. Это была практика регулярных походов, осуществляемых в первую очередь молодежью и играющих значительную роль в социальной и экономической жизни общества. О популярности этого явления сообщают многие авторы. Одно из самых живописных описаний оставил Лукиан: “[Вдруг] напали на нашу землю савроматы [в числе] десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше этого. А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрцов убивают, других уводят живыми... И вот сейчас же стали они угонять добычу, хватать пленных, грабить палатки, захватывать телеги... стали на наших глазах позорить наших наложниц и жен, а мы горевали [при виде этих] бедствий” (*Luc.*, *Tox.* 39)⁵.

Цель набегов – рабы, скот, иная добыча. О захвате рабов и возвращении пленников сообщают Овидий (*Ов.*, *Тр.* III. 10. 55–61), Иосиф Флавий (*J.*, *VJ* 1.р. VII, 7, 4), Дион Кассий (*Cas. Dio.*

⁴ Перевод В. В. Латышева по [Латышев 1949 (2), 348].

⁵ Перевод П. И. Прозорова. Тут и далее переводы античных источников даны по изданиям: [Латышев 1947–1949; Кузнецова 1992].

LXXI, 15–16), об этом написано в эпитафии Плавтия Сильвана (*CIL*. XIV, 3608). Говоря о рабстве, следует иметь в виду, что экономика номадов не нуждается в применении рабского труда, а если нуждается, то в небольшом объеме [Хазанов 2002, 141]. Рабы поставлялись на внешние рынки, продавались за выкуп. О широком распространении традиции выкупа пишет Лукиан: “Того, кто произнесет это слово (“зирин”. – *Е. В., А. И.*), савроматы не убивают, но задерживают, считая, что он пришел для выкупа” (*Luc.*, Тох. 40).

Данничество в системе экзополитарных отношений также играло значительную роль. Оно может рассматриваться как часть экономики войны, в связи с тем что являлось логичным итогом политического доминирования и прямым результатом военной эффективности номадов. О подобных отношениях нам говорит Тацит (*Tac.*, Germ. 43). Страбон сообщает: “Кочевники, скорее воины, чем разбойники, все же ведут войны из-за дани” (*Strabo.*, VII. IV.6). В декрете Протогена рассказывается о даннических отношениях Ольвии и племени сайев, а также дарах их царю и “скипетроносцам” (*IPE* 12 № 32). Кочевники старались получить также субсидии и подарки за свое бездействие, например роксоланы (*SHA*. V. Adr. VI, 8).

Результатом политических контактов были дипломатические дары, которые регулярно получали кочевые “цари”: “Фарасман со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой” (*Tac.*, Ann. VI. 33). Вероятно, сервизы из 8 серебряных сосудов (такое количество известно для Садового кургана, комплекса из Жутово, а также из нескольких памятников рубежа эр из Германии и Дании) можно трактовать как дипломатические дары [Клейн 1979, 212–216].

Заметную роль в обществе ранних номадов играла торговля. Скифов и сарматов интересовали у оседлого населения одежда, ткани, украшения, фибулы, вино, которые они выменивали на скот и рабов (*Strab.*, XI. II.3). Важнейшим товаром, пользовавшимся стабильным спросом, были бусы и бисер [Ставиский, Яценко 2002, 160]. Торговля была довольно примитивной и предполагала обмен “товара на товар” (*Strab. Geogr.* VII, III, 7).

Интенсивность обмена, в который включались скифы и сарматы, позволяет предположить наличие общеупотребительных средств обмена (скорее всего, скота), хоть прямых данных нет. Мы полагаем, что данные нартовских сказаний могут служить косвенным подтверждением этого тезиса.

В нартовском эпосе нетрудно различить близкие социально-экономические институты и формы “экономики войны” и “экономики дара”.

Образ жизни нартов предполагает праздность героев: Бора и Уархаг “Работать... не любили, поэтому и жили бедно”; братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг “считали для себя унижительным работать и вместе с тем хотели разбогатеть каким-нибудь легким способом” [Нарты 1989, 26]. Производственные занятия являются “низкими” и не соответствуют статусу героя – ср. с характеристикой Т. Веблена “благородных” занятий: “...таковы управление, участие в сражениях, охота, уход за оружием и личным снаряжением... все обязанности, которые можно отнести к категории показных хищнических занятий” [Веблен 1984, 116].

Нарты проводят время в постоянных грабительских набегах или на охоте: “Все могучие нарты проводили жизнь в сражениях. Покорили все народы”; “Нарты постоянно наездничали и добывали добычу” [Нарты 1989, 72, 485]. Участие в балцах – это обязанность героя, предписанная “обычаем”: “Выехал я в поле для наезда... Хоть я и стар, все-таки исполняю обычай наш” [Нарты 1989, 230–231].

Модель поведения нарта вне ситуации войны и охоты представляет реальную угрозу для соплеменников (фольклорная тема “буйства героя”) – он устраивает жестокие игры или состязания (например, в стрельбе), нанося увечья соседям или даже убивая их (Хамыц и Урызмаг, сюжетная группа “Игры Созырыко”) [Нарты 1989, 30, 135–136].

В зачине сказания герои часто обсуждают (или узнают), какая страна или город остаются еще неопустошенными набегом, и затем направляют туда свою дружину (*афсад*). Показательна используемая “хищническая” терминология: Урызмаг нашел подходящий объект для грабежа – *аенехард калак* (букв. “несъеденный город”) и предлагает его нартам на съедение (*хаерынма хоны*) [Нарты 1989, 53, 82]. Для молодого героя отправиться в

поход в “нетронутую страну” для захвата скота – это способ испытания силы, часть богатырской инициации [Нарты 1989, 105].

Состав нартовской добычи ограничивается скотом, пленниками, “дорогими тканями”, руном, воинскими трофеями (оружие, конь или часть тела поверженного противника) [Нарты 1989, 80–81, 230, 252, 310, 466], что в целом соотносится с перечнем объектов грабежа и торговли номадов. Пленники нужны нартам для получения выкупа. Сказание о последнем походе Урызмага свидетельствует о наличии такой практики: попав в плен к Кафтысару, нарт заявляет о праве требовать за него выкуп (*ахæстаргъ*⁶) [Нарты 1989, 81].

Балцы бывают разной продолжительности: недельные, годовые, на 2 или 3 года [Нарты 1989, 32, 35, 59, 143] и имеют привязку к циклу обрядов перехода, в частности к женитьбе героя: “В то время был такой обычай: женившийся должен был уехать в *балц* на год” [Нарты 1989, 35]. Кроме свадебных, они могут быть связаны с погребально-поминальными обрядами: добыча (в первую очередь, скот) необходима для устройства тризны⁷ (безымянный сын Урызмага) [Нарты 1989, 58–59].

Образ жизни героического сообщества не предполагает какого-либо утилитарного использования захваченного богатства, оно вовлекается в круг престижного потребления – дарится или идет на устройство эпических пиров и поминок. Устойчивым финалом сказаний становятся организованные за счет награбленного добра в течение целого года “славные пиры и тризны” (*номы куывдтаæ семæ номы хæрнæджытæ*) [Нарты 1989, 83].

В целом, скот как добыча и богатство занимает особое место в эпическом мире. Это главное достояние нартов, от которого физически зависит жизнь богатырского племени. Особенно явственно это проявляется в сказаниях о том, как Шатана и Урызмаг

⁶ Этимология слова *ахæстаргъ* надежно связывает собственно “выкуп” и “схваченного”, “узника” (*ахæст*) – общий корень, вероятно, происходит от иран. **hag* “захватывать” [Абаев 1958, 92–93]. С точки зрения практики торговли невольниками показательна также этимология осет. *уацайраг* “пленник”, букв. “предназначенный для купли-продажи” [Абаев 1989, 30].

⁷ Осет. *хæрнаг* “тризна” обычно применяется к поминкам, непосредственно сопровождающим погребение [Абаев 1989, 180].

спасли нартов от голодной смерти, когда суровая зима уничтожила нартовский скот или сделала невозможным его выпас [Нарты 1989, 48 сл.]. В осетинском эпосе упоминаются различные злаки, сельскохозяйственные орудия, мельницы, пахота и сенокос, но все эти земледельческие занятия и реалии остаются на периферии в описании эпического мира. Только перекочевка со скотом соответствует задачам выявления героической сущности нарта и даже превращается в опасное военное предприятие.

Захват баранов, лошадей и крупного рогатого скота – это главная цель нартовских походов [Нарты 1989, 6–64, 131, 204–205]. Площадь дележа скота представляет собой важный эпический локус: здесь, с разделом захваченной в балце добычи, завершаются многие сказания [Нарты 1989, 60–61].

Скот выступает в эпическом мире в качестве всеобщего эквивалента стоимости: скотом выплачивается выкуп за пленника (“сто по сто быков”); скотом можно откупиться от кровников; нанять небожителя – смертоносное Колесо Балсага “за 12 коров”; дать “много скота” и подкупить нартов для свершения мести Сослану; заплатить *ирæд* (брачный выкуп за невесту); одарить побратима [Нарты 1989, 108, 146–147, 151, 165]. В отношении функции скота как мерила стоимости очень показательна реплика сказителя: “Скотом кого не подкупишь” [Нарты 1989, 167].

Осетинский языковой материал может дать дополнительные черты общей картины: осет. *фос* “скот” означает также “имущество” и “добыча” (в этом значении может применяться и к человеку) [Абаев 1958, 478–479]. Идеосемантика “скот” – “добыча” – “имущество” наглядно демонстрирует функцию скота быть формой богатства, причем легкоотчуждаемого, а потому еще и желанного объекта грабежа. Очевидно, что данное свойство скота полностью соответствует реалиям кочевого мира: “Основной формой богатства... является скот. Богатство в такой форме особенно легко украсть. Поэтому в скотоводческих обществах, не имеющих сильной центральной власти... кража и угон скота – обычное дело” [Айонс 2006, 73].

Возрастная структура охотничьей партии или нартовского войска, отправляющегося в *балу*, также представляет интерес. Обычно это именитый герой (или несколько известных нартов) и “младшие”, безымянные герои (их может быть 7, 12 или неопре-

деленное множество). Первые и вторые противопоставляются именно по признаку принадлежности к возрастной страте: Урыз-маг – старший (*хистар*) или старый (*заеронд*), а сопровождающие его нарты – молодые или младшие [Нарты 1989, 51]. В других случаях вместе с героем в набег или на охоту идут его товарищи-*амцеги* (в узком значении *амцег* – молочный брат), что предполагает, что они могут принадлежать к одному поколению [Нарты 1989, 182]. Младшему при дележе добычи полагается особая “доля младшего” [Нарты 1989, 198].

Молодость, юный возраст героя подчеркивается устойчивыми эпитетами: Батраз – безусый юноша (*аенахъуын лаппу*), “маленький Тотрадз” (*чысыл Тотырадз*), Арахцау – “мальчик, родившийся мужчиной” (*амбойныы лаппу*) [Нарты 1989, 247, 385, 415]. Гиперболизированно юность нарта трактуется в сюжетах, где в поход отправляется младенец прямо из колыбели (Ацамаз, Тотрадз) [Нарты 1989, 315, 397].

Самое устойчивое обозначение участников военной или охотничьей партии – “молодежь” (*фасивад*) [Нарты 1989, 96–97, 191, 234]. Важно отметить, что этот буквальный перевод сужает значение слова. “Молодые нарты” не просто молоды, они – “удальцы” и “храбрецы”. Аналогичную семантику имеет эпитет “добрый молодец” в русском былевом эпосе. Ранние переводчики и комментаторы эпоса, например А. Шифнер, переводили “фасивад” на русский и как “дружина”, и как “молодцы” [Нарты 1989, 50].

Данную черту можно сопоставить с информацией о молодежных объединениях (мужских союзах) у кочевников. Институт половозрастных групп является самой ранней формой социальной стратификации и выступает структурообразующим элементом всех древних и традиционных коллективов кочевников. Такие объединения служили военным авангардом своего племени, обыкновенно находились на границах, совершали эпизодические набеги и решали текущие военные задачи (охрана границ, демонстрация военной силы, разведка).

Важнейшие функции молодежных объединений – воспитательная и военная, но также и экономическая. Как отмечает Г. П. Снесарев, “Мужские союзы, создававшиеся на базе возрастных классов с их функциями воспитания молодого поколения и системой инициаций, и после окончательного оформления и

последующего усложнения своей структуры не утратили значения своеобразной школы молодежи... Некогда мужские объединения готовили к самостоятельной жизни опытных охотников, способных обеспечить коллектив пищей, воинов для защиты племени в эпизодических конфликтах и пастухов, знающих границы кочевий и имеющих навыки скотоводства. Наконец, наступил исторический момент, когда обществу потребовался воин для грабительских набегов и накопления” [Снесарев 1963, 172]. Еще одна важная функция таких союзов – направление деструктивной энергии молодежи в полезное для племени русло; при этом юноши дистанцировались от ядра племени.

Аналогичные институты известны у поздних кочевников, но для древних обществ этнографические данные по позднимномадам могут применяться с известными оговорками. Половозрастные объединения по мере развития обществ номадов неизбежно отходили на второй план, поэтому важно учитывать серьезные различия ранних и поздних кочевников (большая политическая мощь средневековых политий, трансформирующая роль мировых религий, инновации в культуре и технике номадизма). Для нашего исследования принципиально важно, можем ли мы говорить о подобных институтах у ираноязычных кочевников. Появляется все больше осторожных предположений о том, что у скифов и сарматов могли существовать молодежные объединения или подобные организации с аналогичными функциями [Симоненко 1993, 105; Исаенко 1993, 176–177; Иштванович, Кульчар 2000, 205–209; Ustinova 2002, 102–123; Вдовченков 2013].

Такие объединения могли быть значимым военным фактором, особенно в условиях распада традиционных политий Скифии и демографическом вакууме III–II вв. до н. э. Пребывание молодежных объединений в степной зоне не должно было оставлять много следов – временные стоянки не создавали мощного культурного слоя. А их занятия – охота, разбой – не требовали больших стационарных лагерей и поселений.

А. И. Иванчик рассмотрел ранние свидетельства о скифах. Это исследование выявило существование у них молодежных союзов [Иванчик 1988, 38–48; Иванчик 2005, 169–189]. Члены этих объединений назывались “псами”, что вполне соответствует “хищническому” роду занятий и тому, что мы знаем о членах

молодежных союзов разных народов – их часто называли волками или собаками, подчеркивая особый статус.

В сообщениях античных авторов есть другие данные, подтверждающие существование у скифов молодежных союзов. Обращает на себя внимание сообщение Геродота о происхождении племени савроматов (*Herod.*, *Hist.* IV, 111–116), в котором говорится о группе молодежи, живущей вдали от племени и занимающейся охотой и разбоем. Помпей Трог в “Истории Филиппа” достаточно определенно говорит о подобном явлении: “В это время двое скифских юношей из царского рода, Плин и Сколопит, изгнанные из отечества происками вельмож, увлекли за собой множество молодежи, поселились на каппадокийском берегу у реки Термодонта и заняли соседнюю равнину. Там они в течение многих лет грабили соседей...” (*Pomp. Trog.*, II, 4, 1–3).

Говоря о сарматах-лимигантах, обитающих на Среднем Дунае в IV в., Аммиан Марцеллин сообщает о том, что эти сарматы, опасаясь карательной экспедиции со стороны Рима, обещали “платить ежегодную дань, поставлять свою сильную молодежь в войска и оказывать полное повиновение...” (*Amm.*, XVII, 13, 3). Следует подчеркнуть семантику слова “лимиганты”, вероятно, единого по происхождению с осет. *лымган* “друг” [Исаенко 1993, 182]. Можно провести параллели как по названию, так и по функциям, показывающие связь понятия “друг” с молодежными союзами и возрастными классами. Гетерии у древних греков – это изначально мужские союзы, позднее трансформировавшиеся в дружины. При этом наиболее адекватный перевод *ἡταῖροι* – это и есть “дружина” [Андреев 2004, 89]. К этой же мысли приходит Г. П. Снесарев: “Генетическая связь среднеазиатской дружины... с возрастными молодежными ячейками союза мужчин не подлежит никакому сомнению” [Снесарев 1963, 181]. Такая близость дружины и мужского союза (возрастного класса) характерна только для ранних стадий эволюции этих институтов.

Молодежные объединения Средней Азии, известные по этнографическим источникам, назывались по-разному, но одно из самых известных наименований – *джура* (“друзья”) – группа сверстников [Снесарев 1963, 182]. Обращают на себя внимание друзья у скифов, играющие важную роль на похоронах: “Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут

тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным” (*Herod.*, Hist. IV, 73)⁸. А. М. Хазанов пришел к выводу, что имеются в виду не побратимы, а более широкий круг людей [Хазанов 1975, 102].

“Экономика войны” в эпическом мире обнаруживает параллели не только с реалиями скифо-сармато-аланских обществ (система набегов как экономический и социальный институт, практика торговли пленниками, функции скота как универсального эквивалента, близкий перечень объектов грабежа и торговли), но и с укорененной в традиционной культуре осетин “индустрией походов” [Чочиев 1985, 191–196], в которой проявляются аналогичные экономические функции и способы социализации. А информация о возрастном составе участников набегов позволяет по-новому рассмотреть гипотезу о существовании молодежных групп и возрастных классов у скифов и сарматов.

Важнейшая регуляторная роль в обществах ранних кочевников принадлежала пиру – строго ритуализированной совместной трапезе. В этом нас убеждают данные этнографии и отрывочные сведения письменных источников. Так, весьма красноречиво о роли пира в поддержании социальной иерархии в скифском обществе повествует Геродот (*Herod.*, Hist. IV, 66): “Раз в год каждый правитель в своем округе приготавливает сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом”. Об этом скифском обычае упоминает также Аристотель в “Политике”: “У скифов во время одного из праздников не позволялось пить круговую чашу тому, кто еще не убил ни одного врага” (*Aristot.*, Pol. VII, 2, 6). Такой пир, вероятно, был частью инициационного комплекса, но не только. Во время пира формировалась групповая солидарность, определялась иерархия внутри воинского

⁸ Здесь и далее фрагменты из “Историй” Геродота даны в переводе Г. А. Стратановского по [Геродот 1972].

сообщества, повышался личный престиж: статус воина маркировался посредством локального (“кому не довелось еще убить врага... должны сидеть в стороне”) и драматического (включенность в сценарий совместного питья) контекстов. С учетом обширного сравнительного материала, в том числе эпического, можно предполагать также одаривание благами и услугами отличившихся воинов в рамках пира.

В контексте материальной культуры ранних кочевников следует обратить внимание на котлы, которые были важнейшим предметом быта кочевников, но также, видимо, и социальным маркером. Об этом говорит рассказ Геродота о медном сосуде царя Арианта (*Herod.*, *Hist.* IV, 81). Очевидно использование котлов в культовых целях. Культовую, а не утилитарную нагрузку несли и зооморфные ручки на котлах, “веревочка”, имевшая обязательный узелок. В качестве иллюстрации к рассказу Геродота о сосуде Арианта могут служить крупнейшие котлы степной зоны, например из Филипповки [Демиденко 2008; Кузнецова 2018].

Известны нам и ритоны, и чаши, упоминаемые в источниках и используемые, по всей видимости, на пирах и тризнах (*Herod.*, *Hist.* IV, 66). На некрополях кочевников, в насыпи курганов, в ровиках и особых площадках прослеживаются следы тризн – остатки керамики, кости овец, лошадей, следы кострищ.

Сопоставление пиров ранних кочевников с *кувдами* нартовских сказаний позволяет акцентировать некоторые важные элементы общей традиции. Факт общности можно считать общепризнанным, начиная с классической работы В.С. Миллера, который впервые провел сравнительный анализ сведений Геродота о “чаше номарха” и черт чудесной Нартамонги осетинского эпоса [Миллер 1882, 197–198; Dumézil 1978, 163; Абаев 1990а, 188–189].

Нартовские герои связаны с локусом пиршественного зала в не меньшей степени, чем с местом героического действия. Пирь нартов проходит в доме рода Алагата (редко это дом Ацата) или в специально построенном Общепиршественном доме [Нарты 1989, 121–122, 125, 229]. Возведение этого дома “без изъяна” знаменует создание самого героического социума⁹. Нартовский *кувд* характеризуется полнотой и неисчерпаемым изобилием:

⁹ Ср. со строительством пиршественной палаты Хеорот в “Беовульффе”.

“Приготовились Алагата: все, что бог создал из напитков и съестного, было у них” [Нарты 1989, 121].

Пир является неременной частью жизни эпического сообщества и даже конкретной формой его существования. Именно в доме Алагата эпический социум возникает как целостность; на *кувд* приглашаются все нарты, что подчеркивается устойчивой формулой: “Кто может идти, пусть идет! Кто не может идти, того пусть принесут” [Нарты 1989, 59]. Отказ от участия в пире для героя позорен: престарелый Урызмаг знает, что на пиру его собираются убить, но вынужден принять приглашение (сюжетная группа “Как Батраз спас Урызмага”) [Нарты 1989, 234–235].

За пиршественным столом формируется коллективная идентичность эпического социума, выстраивается система вертикальных связей. Нарты рассаживаются рядами (обычно их три или четыре), и старшие занимают положенное им место во главе столов (букв. “вверху”). Статус других героев определяется близостью его места к “верху” столов.

Пир нартов – это момент и локус социальной гармонии, любая динамика приводит к ее нарушению и развитию эпического конфликта. Так, Челахсартаг (он – *фарсаглаг*, свободный крестьянин, не *алдар*) занимает место во главе одного из столов, наряду с именитыми нартами, что приводит к спору о достоинстве, состязанию и вражде с Созырыко [Нарты 1989, 122–123].

Центральный эпизод эпического пира – определение лучшего нарта (как правило, идеальным героем признается Батраз). Для этого Алагата выносят волшебную чашу (или котел) – Нартамонгу (Нартамонгæ, букв. “выявляющая нарта”). Герои соревнуются, рассказывая о своих подвигах. Если рассказ правдив, напиток в чудесной чаше начинает кипеть, а сама она поднимается до колен, затем до пояса и наконец до груди нарта, и тот получает возможность испить из нее [Нарты 1989, 258–259, 272–273].

Аналогия между “чашей номарха” и Нартамонгой достаточно полная благодаря совпадению предмета (чаша/котел), его семантики (героического атрибута), функции (повышение статуса в обществе) и контекста (совместная трапеза или собрание).

В осетинской культуре рефлексом “чаши героев” является традиция почетного бокала (*кады нуазæн*), которая сохраняется и в современной осетинской обрядности. Право преподнести

почетный бокал есть не только у старших мужчин осетинского застолья, но и у старшей женщины (*æфсин*); в нартовском эпосе такое право было у главного женского персонажа – Шатаны, супруги Урызмага. Отказаться от почетного бокала считается недостойным поведением и оскорблением в адрес того, кто его преподносит. Осет. *кад* “почет”, “уважение”, “слава” относится к высокой лексике; название героической нартовской песни – *кадаг* “песнь славы” (которая противопоставляется другим формам песенного фольклора, например исторической песне – *зарæг*) есть производное от *кад* (восходит к иран. **kata-*) [Абаев 1958, 564–565].

Основные категории престижных предметов в эпосе – это оружие и богатырский конь. Оружие в нартовских сказаниях является предметом поэтического любования: “...меч, клинок которого светится с одной стороны лучами солнца, а с другой стороны – светом полнолуния; стрелы твои, которые попадают метко... щит твой, от которого беспрестанно отражается свет самый яркий” [Нарты 1989, 416]. Видимо, блеск доспехов определяет важнейшую черту визуального облика героя – сияние, которое от него исходит, “подобно солнцу, прикрепленному к горам” [Нарты 1989, 394].

Оружие и боевой конь не только дорогие и престижные вещи, которые составляют предмет гордости, передаются по наследству от отца к сыну, они мыслятся как одушевленные. Доспехи нарта Сослана, “Бидасов шлем” и “Цереков панцирь”, от жажды сражения излучают синее пламя, а панцирь при крике “К бою!” сам выскакивает к герою. Меч Батраза, Дзус-хъара, сам нападает на нартов и вершит месть. Одушевленное оружие с личным именем и определенной “генеалогией” перестает быть просто предметом в эпическом мире и становится актантом. Многократно оно является пружиной эпического конфликта (меч Хамыца в сказании о мести Батраза; Бидасов шлем и Цереков панцирь в сказании об осаде Сосланом крепости Челахсартага). Оружие поверженного противника является и самым престижным военным трофеем [Нарты 1989, 466].

Мечи, луки и стрелы следуют за нартами в мир смерти: над умершим необходимо воздвигнуть курган, а в саму могилу положить оружие (или изобразить его на могильном камне) [Нарты

1989, 169, 186, 408]. Умерший мог им воспользоваться: Сослан из могилы поражает стрелой глумящегося над ним Сырдона [Нарты 1989, 169–170].

Все указанные черты находят соответствия в скифской и сармато-аланской традиции: под курганными захоронениями, оружие как постоянный атрибут погребений и каменных изваяний, вера в его магическую функцию [Бессонова 1984, 7–11]. Оправданно говорить о культе оружия у ираноязычных номадов и нартов, в первую очередь о почитании меча (ср. жертвенники Арею). В эпосе черты этого культа наиболее явно представлены в цикле Батраза – в мотивах закалки героя, погребального костра и меча, заброшенного в море [Dumezil 1930, 179–189].

Кони нартов представляют богатырскую породу *афсургов* (восходит к иран. **aspa-uura* “мощный конь” [Абаев 1958, 112–113]). Они действительно обладают чудесной силой: способны проходить за день дистанцию месячного пути и перепрыгнуть море, поднимают столб пыли как целые табуны лошадей [Нарты 1989, 89, 262]. Боевой конь, наделенный не только особыми физическими качествами, но и личным именем, человеческой речью и мудростью, – неременный спутник и верный советник богатыря, практически равная сторона в их отношениях. Это равенство очевидно в ироничных диалогах нарта и его коня [Нарты 1989, 265–266]. Не случайно именно оружие и лошади являются самым почетным даром в эпическом мире. Кроме того, герои могут одаривать друг друга невольниками и скотом [Нарты 1989, 102, 108].

В целом процедуры дарения и обратного отдаривания выступают, наряду с пиром, в качестве важного регуляторного механизма. Особенно заметна их роль во взаимодействии между нартами и другими эпическими племенами. В сюжетной группе “Созырько и Гумский человек” взаимное одаривание становится центральным мотивом сказания: нартовский герой выезжает на охоту или в поход, знакомится с Гумским человеком – достойным и благородным противником, враждует с ним, а после, в результате взаимных подарков, примиряется (или даже становится побратимом) [Нарты 1989, 100–108].

Технологии и этика эпических даров регулируются “честью и обычаем” и точно соответствуют описанным М. Моссом

принципам – обязательству “давать, получать, возмещать” [Мосс 2011, 203 сл.]. “Принимающая сторона” обязана одарить гостя, нередко – с предложением ему выбрать конкретный подарок: “...вот тебе либо мой нож, либо мой конь, либо мое крымское [ружье], и носи его в Нартовском селе в память обо мне” [Нарты 1989, 101]. При этом Созырыко не может отказаться от подарка или, уже получив дар, поменять его на более или менее ценный (чудесного жеребенка на взрослую лошадь) – это приводит к конфликту с Гумским человеком, и в этом поединке Созырыко терпит поражение: “По чести и обычаю из моих подарков ничего принял, так носи пока в Нартовском селе в память обо мне восемнадцать ран” [Нарты 1989, 101].

Не должен герой и сам просить подарка, пока это не предложит хозяин: Созырыко очень хотел, чтобы чудесного золотого оленя “ему отдали с собой”, но вынужден промолчать об этом, когда Гумский человек решает зарезать оленя для приготовления почетного угощения [Нарты 1989, 103].

Вслед за первой встречей героев случается вторая, на которой они примираются. Дары скрепляют их дружбу и обязательно предполагают отдар, причем последний становится кратно большим и скорым: “Три недели [Гумский человек] не дает Созырыко встать из-за стола. Дарит ему юношей-пленников и девушек-пленниц. Уходят оттуда, и Созырыко Гумского человека в Нартовское село приводит. В семь раз больше подарков ему дает. На том и помирились оба мужа” [Нарты 1989, 102]. В таком случае за дарением как добровольным и великодушным подношением равному скрываются его обязательность, а также политический и экономический интерес.

Упоминаются в осетинском эпосе и другие процедуры, которые имеют отношение к дару. В год, когда “бог наслал на них голод”, нартты обессилели и не могут даже поднять головы, и Шатана спасает богатырское племя, устроив общий кувд в доме Урызмага и накормив всех из своих кладовых: “...я прокормлю их от восьмого дня до восьмого дня. Они восстановят силы, и сердца их окрепнут” [Нарты 1989, 59]. Подчеркнем то обстоятельство, что использует она для этого обрядовые подношения, “что приносили... [в подарок] со дня моей свадьбы и до сегодняшнего дня”. Шатана выполняет важную социальную функцию:

она накапливает, а в экстремальной ситуации (смертельный голод) перераспределяет избыточный пищевой продукт – “кувшины ронга, бычьи ляжки” (диг. “*ронги гъосин ама кури гъолгун*”). С одной стороны, эта процедура может быть уподоблена институту дачедележа, что подчеркивает родовую природу нартовской общности. С другой – эти подарки точно совпадают с “данью”, которую нарты платят Ахсартагата [Нарты 1989, 10], и централизуются в доме вождя, и в этом контексте она может оцениваться и как редистрибуция. Кроме того, способность накормить максимально большое число людей является важной частью харизмы кочевого правителя государственной эпохи.

С комплексом престижной экономики могут быть связаны и некоторые специфические формы поведения в осетинском эпосе. Так, Батраз, совершая месть нартам за смерть своего отца, Хамыца, требует от них “в уплату крови” собрать все шелковые одежды, сжечь их и наполнить этим пеплом сапог Хамыца. Нарты собрали весь шелк, сожгли его и только заполнили сапог шелковым пеплом, как налетевший вихрь развеял его [Нарты 1989, 287, 311]. Мотив соответствует фольклорной теме невыполнимых заданий, но действия Батраза можно оценить и как радикальный способ демонстративного потребления – он собирает “плату за кровь” отца и руками самих нартов намеренно и расточительно использует ее. Демонстративное уничтожение накопленных богатств (например, в форме войлочных одеял у индейцев Северной Америки) было важной частью престижного потребления.

Обращает на себя внимание приуроченность эпических форм дара и престижного потребления к тем же обрядам перехода, что и *балцев* (брак и смерть). Потlach как предельное выражение дара, в том числе в виде уничтожения “излишних” ценностей, был приурочен к похоронам.

Анализ элементов престижной экономики в обществах ранних кочевников позволяют обнаружить ряд параллелей между реалиями скифо-сармато-аланских обществ и осетинским нартовским эпосом. Вероятно, они отражают общность традиций “экономики войны” и “экономики дара” у ранних кочевников и осетин. Эта общность проявляется, в частности, в системе набегов как экономическом и социальном институте, практике торговли пленниками, функции скота как универсального эквивалента

стоимости, круге престижных предметов, сходстве форм дарообмена и престижного потребления. Истоки этой общности не только в типологическом сходстве уровней социального развития и свойственных им практик, но и в очевидном генетическом родстве этих традиций. Нартский эпос зародился в кочевом ираноязычном мире и содержит в себе ценные отголоски прошедших эпох. Преломленные в процессе эпосотворчества, реалии героического мира, тем не менее, могут быть использованы для реконструкции разных сторон жизни ранних кочевников, в том числе различных социальных практик, форм хозяйства и престижной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х тт. Т. I. Москва – Ленинград, 1958.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х тт. Т. IV. Ленинград, 1989.

Абаев В. И. Нартский эпос осетин // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Т. I. Владикавказ, 1990а.

Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Т. I. Владикавказ, 1990б.

Айонс У. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. (ред.). Кочевая альтернатива социальной эволюции. Москва, 2006.

Акбулатов И. М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. – IV в. н. э.). Уфа, 1999.

Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Санкт-Петербург, 2004.

Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов // Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (ред.). Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

Бессонова С. С. О культе оружия у скифов // Черненко Е. В. (ред.). Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и кочевничество // Крадин Н. Н.,

Бондаренко Д. М. (ред.). **Кочевая альтернатива социальной эволюции.** Москва, 2002.

Васютин С. А. Типология потестарных и политических систем кочевников // *Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М.* (ред.). **Кочевая альтернатива социальной эволюции.** Москва, 2002.

Васютин С. А. Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья // *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И., Трепавлов В. В.* (ред.). **Тюркологический сборник 2009–2010.** Москва, 2011.

Вдовченков Е. В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // *Попов В. А.* (ред.). **Ранние формы потестарных систем.** Санкт-Петербург, 2013.

Вдовченков Е. В. Потестарная организация сарматского общества // *Попов В. А.* (ред.). **Ранние формы потестарной организации.** Санкт-Петербург, 2016.

Веблен Т. **Теория праздного класса.** Москва, 1984.

Гаврилюк Н. А. **Экономика степной Скифии VI–III вв. до н. э.** Киев, 1999.

Гаслойти Ю. С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // *Тменов В. Х.* (ред.). **Проблемы этнографии осетин.** Орджоникидзе, 1989.

Геродот. **История в девяти книгах** / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Ленинград, 1972.

Граков Б. Н. **Скифы: Научно-популярный очерк.** Москва, 1971.

Гринин Л. Е. Раннее государство и его аналоги // *Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Кортаев А. В.* (ред.). **Раннее государство, его альтернативы и аналоги.** Волгоград, 2006.

Гуриев Т. А. **К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса.** Орджоникидзе, 1971.

Демиденко С. В. **Бронзовые котлы древних племен нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.).** Москва, 2008.

Дзиццойты Ю. А. К этимологии термина Nartæ // *Дзиццойты Ю. А.* **Вопросы осетинской филологии.** Т. I. Цхинвал, 2017.

Иванчик А. И. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // **Советская этнография.** № 5. 1988.

Иванчик А. И. Накануне цивилизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва – Берлин, 2005.

Исаенко А. В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // *Исаенко А. В.* (ред.). **Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье.** Владикавказ, 1993.

Иштванович Э., Кульчар В. Проблема “первого поколения” в изучении сарматов Карпатского бассейна // **Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории”.** Вып. 2. Самара, 2000.

Камболов Т. Т. **Очерк истории осетинского языка.** Владикавказ, 2006.

Клейн Л. С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и Нартский эпос // **Вестник древней истории.** 1975. № 4.

Клейн Л. С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // **Античный мир и археология.** Вып. 4. Саратов, 1979.

Крадин Н. Н. **Кочевые общества (проблемы формационной характеристики).** Владивосток, 1992.

Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Попов В. А.* (ред.). **Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности.** Москва, 1995.

Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // *Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В.* (ред.). **Раннее государство, его альтернативы и аналогии.** Волгоград, 2006.

Крадин Н. Н. **Кочевники Евразии.** Алматы, 2007.

Крадин Н. Н. Понятие племени в современной антропологии // **Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.** 2015. № 2.

Кузнецов В. А. **Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа.** Орджоникидзе, 1980.

Кузнецова Т. М. (сост.). **Скифы: Хрестоматия.** Москва, 1992.

Кузнецова Т. М. Скифские цари и номархи – “держатели котлов” // **Stratum plus**. 2018. № 3: Социология потустороннего.

Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // **Вестник древней истории**. 1947–1949.

Марков Г. Е. **Кочевники Азии**. Москва, 1976.

Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // *Массон В. М.* (ред.). **Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций**. Алма-Ата, 1989.

Масанов Н. Э. **Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков**. Алма-Ата, 1984.

Масанов Н. Э. **Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества**. Алматы – Москва, 1995.

Медведев А. П. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и Раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // *Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М.* (ред.). **Кочевая альтернатива социальной эволюции**. Москва, 2006.

Медведев А. П. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // **Нижеволжский археологический вестник**. 2010. Вып. 11.

Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // *Абаев В. И., Калоев Г. З., Чичеров В. И.* (ред.). **Нартский эпос**. Орджоникидзе, 1957.

Мелетинский Е. М. **Происхождение героического эпоса**. Изд. 2-е. Москва, 2004.

Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // **Журнал Министерства народного просвещения**. Август. 1882. Ч. ССXXII.

Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* **Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии**. Москва, 2011.

Нарты. Осетинский героический эпос. Т. II. Москва, 1989.

Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // *Поланьи К.* **Избранные работы**. Москва, 2010.

Путилов Б. Н. **Героический эпос и действительность**. Ленинград, 1988.

Путилов Б. Н. **Эксперсы в теорию и историю славянского эпоса.** Санкт-Петербург, 1999.

Раевский Д. С. **Мир скифской культуры.** Москва, 2006.

Рклицкий М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях // **Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения.** Владикавказ, 1927. Вып. 2.

Семенов Ю. И. Экономическая антропология // *Веселкин Е. А., Тишков В. А.* (ред.). **Этнология в США и Канаде.** Москва, 1989.

Симоненко А. В. **Сарматы Таврии.** Киев, 1993.

Скрипкин А. С. О политической организации сарматов на рубеже эр // **Stratum plus.** 2015. № 4: Время перемен: “на рубеже эр”.

Смирнова Я. С. Военная демократия в нартском эпосе // **Советская этнография.** 1959. № 6.

Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // **Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг.** / Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. Москва, 1963.

Ставиский Б. Я., Яценко С. А. **Искусство и культура древних иранцев: Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия.** Москва, 2002.

Сусоколов А. А. **Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию.** Москва, 2006.

Турчанинов Г. Ф. **Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка.** Владикавказ, 1990.

Хазанов А. М. **Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей.** Москва, 1975.

Хазанов А. М. **Кочевники и внешний мир.** Алматы, 2002.

Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // *Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В.* (ред.). **Раннее государство, его альтернативы и аналоги.** Волгоград, 2006.

Чочиев А. Р. **Очерки истории социальной культуры осетин: Традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин.** Цхинвали, 1985.

Яценко С. А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском “склепе Анфестерия” // **Вестник древней истории.** 1995. № 3.

Яценко С. А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // **Российская археология**. 1998. № 3.

Яценко С. А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. (ред.). **Кочевая альтернатива социальной эволюции**. Москва, 2002.

Яценко С. А., Вдовченков Е. В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // **Знание, понимание, умение**. 2015. № 1.

Bailey H. W. *Analecta Indo-Scythica* // **Journal of the Royal Asiatic Society**. 1953. Vol. 85. Iss. 3–4 (July).

Dumézil G. **Légendes sur les Nartes**. Paris, 1930.

Dumézil G. **Loki**. Paris, 1949.

Dumézil G. **Mythe et Épopée. I. L'Idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens**. Paris, 1968.

Dumézil G. **Romans de Scythie et d'Alentour**. Paris, 1978.

Service E. **Origins of the State and Civilization: The Processes of Cultural Evolution**. New York, 1975.

Ustinova Yu. B. Lycanthropy in sarmatian warrior societies: the Kobyakovo torque // **Ancient West and East**. 2002. № 1.

REFERENCES

Abaev V. I. (1958), *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*, V 4-kh tt. T. I, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow and Leningrad. (In Russian).

Abaev V. I. (1989), *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*, V 4-kh tt. T. IV, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Leningrad. (In Russian).

Abaev V. I. (1990a), “Nartovskij ehpos osetin”, Abaev V. I. *Izbrannye trudy: Religiya, fol'klor, literatura*, T. I, Ir, Vladikavkaz, pp. 142–242. (In Russian).

Abaev V. I. (1990b), “Sarmato-bosporskie otnosheniya v otrazhenii nartovskikh skazanii”, Abaev V. I. *Izbrannye trudy: Religiya, fol'klor, literatura*, T. I, Ir, Vladikavkaz, pp. 361–80. (In Russian).

Ajons U. (2006), “Kul'turnyj kapital, nabegi za skotom i voennoe prevoskhodstvo traditsionnykh skotovodov”, Kraдин N. N., and

Bondarenko D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noj ehvolyutsii*, Moscow, pp. 72–8. (In Russian).

Akbulatov I. M. (1999), *Ehkonomika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (VII v. do n. e. – IV v. n. e.)*, Natsional'nyy muzey Respubliki Bashkortostan, Ufa. (In Russian).

Andreev Yu. V. (2004), *Muzhskie soyuzы v dorijskikh gorodakh-gosudarstvakh (Sparta i Krit)*, Aletya, Sankt-Petersburg. (In Russian).

Barfield T. Dzh. (2006), “Mir kochevnikov-skotovodov”, Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., and Korotaev A. V. (eds.). *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativы i analogi*, Volgograd, pp. 415–41. (In Russian).

Bessonova S. S. (1984), “O kul'te oruzhiya u skifov”, Chernenko E. V. (ed). *Vooruzhenie skifov i sarmatov*, Kiev, pp. 3–21. (In Russian).

Bondarenko D. M., Korotaev A. V. and Kradin N. N. (2002), “Vvedenie: Sotsial'naya ehvolyutsiya, al'ternativы i nomadizm”, Kradin N. N. and Bondarenko D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noj ehvolyutsii*, Moscow, pp. 6–25. (In Russian).

Vasyutin S. A. (2002), “Tipologiya potestarnykh i politicheskikh sistem kochevnikov”, Kradin N. N., and Bondarenko D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noj ehvolyutsii*, Moscow, pp. 63–71. (In Russian).

Vasyutin S. A. (2011), “Obraz pravitelya v mental'nykh predstavleniyakh kochevnikov Tsentral'noj Azii v period rannego srednevekov'ya”, Klyashtornyj S. G., Sultanov T. I., and Trepavlov V. V. (eds.), *Tyurkologicheskij sbornik 2009–2010*, Moscow, pp. 79–108. (In Russian).

Vdovchenkov E. V. (2013), “Problema sushhestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov”, Popov V. A. (ed.). *Rannie formy potestarnykh system*, Sankt-Peterburg, pp. 182–201. (In Russian).

Vdovchenkov E. V. (2016), “Potestarnaya organizatsiya sarmatskogo obshhestva”, Popov V. A. (ed.). *Rannie formy potestarnoj organizatsii*, Sankt-Peterburg, pp. 107–29. (In Russian).

Veblen T. (1984), *Teoriya prazdnogo klassa*, Progress, Moscow. (In Russian).

Gavrilyuk N. A. (1999), *Ekonomika stepnoj Skifii VI–III vv. do n. e.*, Kiev. (In Russian).

Gaglojti Yu. S. (1989), “Trekhfunktsional’noe delenie v ehtnicheskoj kul’ture osetin”, Tmenov V. Kh. (ed.), *Problemy ehtnografii osetin*, Ordzhonikidze, pp. 11–35. (In Russian).

Herodot (1972), *Istoriya v devyati knigakh*; per. i prim. G. A. Stratanovskogo, Nauka, Leningrad. (In Russian).

Grakov B. N. (1971), *Skify: Nauchno-populyarnyj ocherk*, MGU, Moscow. (In Russian).

Grinin L. E. (2006), “Ranee gosudarstvo i ego analogi”, Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N. and Korotaev A. V. (eds.). *Ranee gosudarstvo, ego al’ternativy i analogi*, Volgograd, pp. 85–163. (In Russian).

Guriev T. A. (1971), *K probleme genezisa osetinskogo nartovskogo ehposa*, Ir, Ordzhonikidze. (In Russian).

Demidenko S. V. (2008), *Bronzovye kotly drevnikh plemen nizhnego Povolzh’ya i Yuzhnogo Priural’ya (V v. do n. e. – III v. n. e.)*, LKI, Moscow. (In Russian).

Dzitstsojty Yu. A. (2017), “K ehtimologii termina Nartæ”, Dzitstsojty Yu. A. (ed.), *Voprosy osetinskoj filologii*, T. I. Tskhinval, pp. 267–85. (In Russian).

Ivanchik A. I. (1988), “Muzhskie soyuzy i skifskie vtorzheniya v Perednyuyu Aziyu”, *Sovetskaya ehtnografiya*, № 5, pp. 38–48. (In Russian).

Ivanchik A. I. (2005), *Nakanune tsivilizatsii. Severnoe Prichernomor’e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoj literaturnoj traditsii: fol’klor, literatura i istoriya*, Palograf, Moscow – Berlin. (In Russian).

Isaenko A. V. (1993), “Migratsii severoirantsev v Rumyniyu, na Srednij Dunaj i v Vengriyu”, Isaenko A. V. (ed.). *Kavkaz i tsivilizatsii Vostoka v drevnosti i srednevekov’e*, Vladikavkaz, pp. 156–202. (In Russian).

Ishtvanovich Eh., Kul’char V. (2000), «Problema “pervogo pokoleniya” v izuchenii sarmatov Karpatskogo bassejna», *Rannesarmatskaya kul’tura: formirovanie, razvitie, khronologiya. Materialy IV mezhdunarodnoj konferentsii “Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii*, Vyp. 2. Samara, pp. 205–9. (In Russian).

Kambolov T. T. (2006), *Ocherk istorii osetinskogo yazyka*, Ir, Vladikavkaz. (In Russian).

Klejn L. S. (1975), “Legenda Gerodota ob aziatskom proiskhozhdenii skifov i Nartskij ehpos”, *Vestnik drevnej istorii*, № 4, pp. 14–27. (In Russian).

Klejn L. S. (1979), “O kharaktere rimskogo importa v bogatykh kurganakh sarmatskogo vremeni na Donu”, *Antichnyj mir i arkheologiya*, Vyp. 4. Saratov, pp. 204–21. (In Russian).

Kradin N. N. (1992), *Kochevye obshhestva (problemy formatsionnoj kharakteristiki)*, Dal'nauka, Vladivostok. (In Russian).

Kradin N. N. (1995), “Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya”, Popov V.A. (ed.). *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*, “Vostochnaya literatura” RAN, Moscow, pp. 11–61. (In Russian).

Kradin N. N. (2006), “Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya ehvolyutsiya”, Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., and Korotaev A. V. (red.). *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi*, Uchitel', Volgograd, pp. 490–511. (In Russian).

Kradin N. N. (2007), *Kochevniki Evrazii*, Dayk-press, Almaty. (In Russian).

Kradin N. N. (2015), “Ponyatie plemya v sovremennoj antropologii”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, № 2, pp. 4–12. (In Russian).

Kuznetsov V. A. (1980), *Nartskij epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda*, Ir, Ordzhonikidze. (In Russian).

Kuznetsova T. M. (ed.) (1992), *Skify: Khrestomatiya*, Vysshaya shkola, Moscow. (In Russian).

Kuznetsova T. M. (2018), «Skifskie tsari i nomarkhi – “derzhately kotlov”», *Stratum plus*, № 3: Sociologia potustoronnego, pp. 17–55. (In Russian).

Markov G. E. (1976), *Kochevniki Azii*, MGU, Moscow. (In Russian).

Latyshev V. V. (1947–1949), “Izvestia drevnikh pisatelei, grecheskikh i latinskikh, o Skifii i Kavkaze”, *Vestnik drevney istorii*. (In Russian).

Martynov A. I. (1989), “O stepnoj skotovodcheskoj tsivilizatsii I tys. do n.eh.”, Masson V. M. (red.). *Vzaimodejstvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsij*, Alma-Ata, pp. 284–92. (In Russian).

Masanov N. E. (1984), *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII–XIX vekov*, Nauka, Alma-Ata.

Masanov N. E. (1995), *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovny zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshhestva*, Almaty and Moscow, pp. 213–24. (In Russian).

Medvedev A. P. (2006), “Razvitie ierarkhicheskikh struktur v obshhestvakh ehpokhi bronzy i Rannego zheleznogo veka yuga Vostochnoj Evropy (opyt diakhronnogo istoriko-arkheologicheskogo analiza)”, Kradin N. N. and Bondarenko D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noj evolyutsii*, Moscow, pp. 98–111. (In Russian).

Medvedev A. P. (2010), “O formakh zavisimosti v sarmatskikh obshhestvakh pervykh vekov nashej ehry”, *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, Vyp. 11, pp. 140–46. (In Russian).

Meletinskij E. M. (1957), “Mesto nartskikh skazaniy v istorii ehposa”, Abaev V. I., Kaloev G. Z. and Chicherov V. I. (eds.). *Nartskij ehpos*, Ordzhonikidze, pp. 37–73. (In Russian).

Meletinskij E. M. (2004), *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa*, Izd. 2-e. “Vostochnaya literatura” RAN, Moscow. (In Russian).

Miller Vs. F. (1882), “Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin”, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya*, Avgust, Ch. CCXXII, pp. 191–207. (In Russian).

Moss M. (2011), “Opyt o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshhestvakh”, Moss M. *Obshhestva. Obmen. Lichnost'.* *Trudy po sotsial'noj antropologii*, Moscow, pp. 134–285. (In Russian).

Narty. (1989), *Osetinskij geroicheskij ehpos*, T. II, Nauka, Moscow. (In Russian).

Polan'i K. (2010), “Ehkonomika kak institutsional'no oformlennyj protsess”, Polan'i K. *Izbrannye raboty*, Moscow, pp. 47–81. (In Russian).

Putilov B. N. (1988), *Geroicheskij ehpos i dejstvitel'nost'*, Nauka, Leningrad. (In Russian).

Putilov B. N. (1999), *Ekskursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo ehposa*, Peterburgskoe vostolovedeniye, Sankt-Petersburg. (In Russian).

Raevskij D. S. (2006), *Mir skifskoj kul'tury*, Yazyki slav'yanskich kultur, Moscow. (In Russian).

Rklitskij M. V. (1927), “K voprosu o nartakh i nartskikh skazaniyakh”, *Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*, Vladikavkaz, Vyp. 2, pp. 3–34. (In Russian).

Semenov Yu. I. (1989), “Ekonomicheskaya antropologiya”, Veselkin E. A. and Tishkov V. A. (red). *Ehtnologiya v SSHA i Kanade*, Moscow, pp. 62–85. (In Russian).

Simonenko A. V. (1993), *Sarmaty Tavrii*, Naukova dumka, Kiev. (In Russian).

Skripkin A. S. (2015), “O politicheskoy organizatsii sarmatov na rubezhe her”, *Stratum plus*, № 4: Vremya peremen: “na rubezhe er”, pp. 73–84. (In Russian).

Smirnova Ya. S. (1959), “Voennaya demokratiya v nartskom ehpose”, *Sovetskaya ehtnografiya*, № 6, pp. 60–8. (In Russian).

Snesarev G. P. (1963), “Traditsiya muzhskikh soyuzov v ee pozdnejshem variante u narodov Srednej Azii”, *Polevye issledovaniya Khorezmskoj ehkspeditsii v 1958–1961 gg. Materialy Khorezmskoj ehkspeditsii*, Vyp. 7, Moscow, pp. 155–205. (In Russian).

Staviskij B. Ya. and Yatsenko S. A. (2002), *Iskusstvo i kul'tura drevnikh irantsev: Velikaya step', Iranskoe plato, Srednyaya i Tsentral'naya Aziya*, RGGU, Moscow. (In Russian).

Susokolov A. A. (2006), *Kul'tura i obmen: Vvedenie v ehkonomicheskuyu antropologiyu*, Russkaya Panorama, Moscow. (In Russian).

Turchaninov G. F. (1990), *Drevnie i srednevekovye pamyatniki osetinskogo pis'ma i yazyka*, Ir, Vladikavkaz. (In Russian).

Khazanov A. M. (1975), *Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov evrazijskikh stepej*, Nauka, Moscow. (In Russian).

Khazanov A. M. (2002), *Kochevniki i vneshnij mir*, Dayk-Press, Almaty. (In Russian).

Khazanov A. M. (2006), “Kochevniki evrazijskikh stepej v istoricheskoy retrospektive”, Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N. and Korotaev A. V. (eds.). *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi*, Volgograd, pp. 468–89. (In Russian).

Chochiev A. R. (1985), *Ocherki istorii sotsial'noj kul'tury osetin: Traditsii kochevnichestva i osedlosti v sotsial'noj kul'ture osetin*, Iryston, Tskhinvali, (In Russian).

Yatsenko S. A. (1995), «O sarmato-alanskom syuzhete rospisi v pantikapejskom “sklepe Anfesteriya”», *Vestnik drevnej istorii*, № 3, pp. 188–193. (In Russian).

Yatsenko S. A. (1998), “Sarmatskie pogrebal'nye ritualy i osetinskaya ehtnografiya”, *Rossijskaya arkheologiya*, № 3, pp. 63–74. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2002), “Osobennosti obshhestvennogo razvitiya sarmato-alanov i ikh vospriyatie v drugikh kul'turakh”, Kradin N. N. and Bondarenko D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noj ehvolyutsii*, Moscow, pp. 91–7. (In Russian).

Yatsenko S. A. and Vdovchenkov E. V. (2015), “O nekotorykh storonakh voennoj organizatsii drevnikh kochevnikov evropejskoj Stepi”, *Znanie, ponimanie, umenie*, № 1, pp. 171–182. (In Russian).

Bailey H. W. (1953), “Analecta Indo-Scythica”, *Journal of the Royal Asiatic Society*, Vol. 85. Iss. 3–4 (July 1953), pp. 95–116.

Dumezil G. (1930), *Légendes sur les Nartes*, Champion, Paris.

Dumezil G. (1949), *Loki*, Maisonneuve, Paris.

Dumezil G. (1968), *Mythe et Épopée. I. L'Idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens*, Gallimard, Paris.

Dumezil G. (1978), *Romans de Scythie et d'Alentour*, Payot, Paris.

Service E. (1975), *Origins of the State and Civilization: The Processes of Cultural Evolution*, W. W. Norton & Company, Inc., New York.

Ustinova Yu. B. (2002), “Lycanthropy in sarmatian warrior societies”: the Kobyakovo torque, *Ancient West and East*, No. 1, pp. 102–23.

Е. В. Вдовченко, А. Е. Иванеско

ПРЕСТИЖНА ЕКОНОМІКА РАННІХ НОМАДІВ І НАРТІВСЬКИЙ ЕПОС

Економіка рання кочівників Євразійських степів традиційно досліджувалася як процес матеріального виробництва, розподілу та споживання, але цей ракурс не дає змоги розглянути економіку через вбудовані в культуру моделі, врахувати символічні аспекти виробництва та специфічні форми поведінки. Аналіз низки феноменів життя кочових суспільств можливий у рамках комплексу престижної економіки. Адекватна пояснювальна модель і мова опису інститутів престижної економіки вироблені за допомогою субстантивістської теорії, яка розглядає племінні й архаїчні економіки як якісно відмінні від модерної економіки.

Елементи престижної економіки в суспільствах рання кочівників є основним предметом цієї статті. Традиційна парадигма у вивченні економіки рання кочівників спирається на певну суму залучених джерел

(письмова традиція, археологія, лінгвістика). Велику цінність для дослідження економіки ранніх кочівників мають дані осетинського нартівського епосу, який продовжує скіфську і сармато-аланську епічну традицію.

У статті аналізуються вияви престижної економіки в суспільстві ранніх кочівників, а також її відображення в матеріалах осетинського нартівського епосу. Особливу увагу приділено ролі худоби як універсального еквівалента вартості в ранніх кочівників і в епічному світі, інститутам грабіжницького набігу (*балу*) і ритуального бенкету (*куывд*), дарообмінним процедурам (обдаровування друзів та епічних противників) і механізмам редистрибуції воєнної здобичі та обрядових підношень. Аналізуються на епічному матеріалі специфічні моделі поведінки, як-от демонстративне знищення престижних предметів.

У статті робиться висновок про принципову близькість економічних і пов'язаних з нею культурних практик у матеріалах осетинського нартівського епосу та суспільствах скіфів і сармато-аланів західної частини Євразії.

Ключові слова: номадизм, ранні кочівники, субстантивізм, престижна економіка, дарообмін, редистрибуція, осетинський нартівський епос

Е. В. Вдовченко, А. Е. Иванско

ПРЕСТИЖНАЯ ЭКОНОМИКА РАННИХ НОМАДОВ И НАРТОВСКИЙ ЭПОС

Економика ранних кочевников Евразийских степей традиционно исследовалась как процесс материального производства, распределения и потребления, но этот ракурс не позволяет рассмотреть экономику через встроенные в культуру модели, учесть символические аспекты производства и специфические формы поведения. Анализ ряда феноменов жизни кочевых обществ возможен в рамках комплекса престижной экономики. Адекватная объяснительная модель и язык описания институтов престижной экономики выработаны при помощи субстантивистской теории, которая рассматривает племенные и архаичные экономики как качественно отличные от современной экономики.

Элементы престижной экономики в обществах ранних кочевников являются основным предметом данной статьи. Традиционная парадигма в изучении экономики ранних кочевников опирается на определенную сумму привлекаемых источников (письменная традиция, археология, лингвистика). Большую ценность для исследования экономики ранних кочевников имеют данные осетинского нартского эпоса, который продолжает скифскую и сармато-аланскую эпическую традицию.

В статье анализируются проявления престижной экономики в обществе ранних кочевников, а также ее отражение в материалах осетинского нартовского эпоса. Особое внимание уделено роли скота как универсального эквивалента стоимости у ранних кочевников и в эпическом мире, институтам грабительского набега (*балу*) и ритуального пира (*куывд*), дарообменным процедурам (одаривание друзей и эпических противников) и механизмам редистрибуции военной добычи и обрядовых подношений. Анализируются на эпическом материале специфические модели поведения, такие как демонстративное уничтожение престижных предметов.

В статье делается вывод о принципиальной близости экономических и связанных с ней культурных практик в материалах осетинского нартовского эпоса и обществах скифов и сармато-алан западной части Евразии.

Ключевые слова: *номадизм, ранние кочевники, субстантивизм, престижная экономика, дарообмен, редистрибуция, осетинский нартовский эпос*

Стаття надійшла до редакції 29.09.2018